

ПУШКИНЪ

ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ЛИЦЕѢ *

Память Пушкина дорога для каждого Русскаго, но она вдвойнѣ дорога для питомца Царскосельскаго Лицея. Она, прежде всего, переноситъ его въ тотъ счастливый пріютъ гдѣ и красота мѣстности, и удаленіе отъ шума столицы, и стеченіе особенныхъ обстоятельствъ, и наконецъ, славныя современныя событія какъ бы нарочно соединились для того чтобы плодотворно направить образованіе гениальнаго отрока и ускорить развитіе его способностей.

Въ числѣ духовныхъ благъ завѣщанныхъ старымъ Лицеємъ новому, едва ли не всѣхъ выше блистающее на скрижаляхъ ихъ безсмертное имя питомца, возвеличившаго своими созданіями русское слово, обогатившаго достояніе своего народа нетлѣнными сокровищами.

Мнѣ выпалъ жребій принадлежать, въ два разные періода моей жизни, тому и другому Лицею: царскосельскому, въ качествѣ его воспитанника,—петербургскому, въ званіи его профессора. ** Не естественно ли поэтому, что при чествованіи

* Эта статья составляетъ дополненную нѣкоторыми подробностями и нѣсколько измѣненную рѣчь, читанную авторомъ въ Александровскомъ Лицеѣ, въ день пятидесятилѣтней годовщины смерти Пушкина.

** Съ 1853 по 1862 годъ.

памяти Пушкина, я избираю предметомъ своей бесѣды тѣ годы жизни поэта, когда онъ, говоря собственными его словами, „въ садахъ Лицея безмятежно расцвѣталъ“,—

Тѣ дни, когда еще не знаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
 Онъ лѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И царкосельскія хранительныя сѣни.

Это время было очень близко къ тому завитному шестилѣттю которое мнѣ довелось прожить въ Царскосельскомъ Лицеѣ. Въ ту пору онъ былъ еще полонъ свѣжихъ воспоминаній о Пушкинѣ и уже оглашался его славой. При моемъ поступленіи въ Лицей прошло только 15 лѣтъ съ основанія его, и только 9 лѣтъ со времени выпуска Пушкина. Но въ глазахъ подростающаго поколѣнія такое число лѣтъ составляетъ значительный періодъ: мнѣ и моимъ товарищамъ Пушкинское время казалось далекою стариною въ жизни заведенія. Между тѣмъ, мы застали тамъ нѣкоторыхъ изъ наставниковъ Iго курса. Изъ числа гувернеровъ это были: Чириковъ, дававшій уроки рисованія, и Калининъ, учитель чистописанія. Оба еще и послѣ нашего (6го) курса довольно долго оставались въ Лицеѣ; оба отличались добродушіемъ и пользовались довѣріемъ воспитанниковъ. Калининъ, оригиналъ въ своемъ родѣ, извѣстенъ былъ своими нѣсколько комическими приемами въ обращеніи съ воспитанниками и, хотя самъ уже плохо владѣлъ рукою, но умѣлъ сообщить своимъ ученикамъ правильный и красивый почеркъ, столь одинаковый что по немъ можно было узнавать лицестовъ разныхъ выпусковъ. Изъ профессоровъ Пушкинскаго времени при насъ оставались еще: Кардовъ по кафедрѣ математики и физики, Кайдановъ по исторіи, и Кошанскій по русской и латинской словесности. Тучный и злорѣчивый Кардовъ увѣковѣченъ въ извѣстномъ четверостишіи, обыкновенно приписываемомъ Пушкину, но собственно принадлежащемъ Илличевскому; * вопреки этой эпиграммѣ, Кардовъ былъ очень уменъ, но до

* Одинъ изъ комментаторовъ Пушкина принялъ за собственное имя названіе *чернякъ*, данное въ этомъ четверостишіи Кардову („Повѣрь, тебя измѣритъ разомъ не мудро, чернякъ“), а такъ какъ преподавателя съ такимъ именемъ въ Лицеѣ не было, то онъ усомнился въ вѣрности преданія; дѣло однакожь объясняется тѣмъ что Кардовъ такъ названъ по цвѣту своихъ волосъ и смуглости лица.

крайности лѣнивъ; свою насмѣшливость упражнялъ онъ особенно надъ Дг. Пешелемъ, Чехомъ по происхожденію, который не оставался у него въ долгу и также поступилъ въ Лицей еще при первомъ курсѣ, а потомъ продолжалъ быть Эскулапомъ и болтливымъ собесѣдникомъ многихъ поколѣній лицеистовъ. Кайдановъ пріобрѣлъ въ педагогическомъ мѣрѣ не слишкомъ лестную репутацію своимъ руководствомъ которое теперь (употребляя распространенное имъ же по всей Россіи выраженіе) „покрыто мракомъ неизвѣстности“. Что касается Кошанскаго, то мы знаемъ что Пушкинъ не всегда съ нимъ ладилъ вслѣдствіе недоразумѣній, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе; но въ мое время Кошанскій пользовался большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ лицейской молодежи. *

Преданія о первомъ курсѣ лицеистовъ чрезвычайно интересовали насъ: съ жадностью слушали мы всякій разказъ о старѣйшихъ нашихъ предшественникахъ и съ любопытствомъ спрашивали ихъ современниковъ о подробностяхъ первоначальной исторіи Лицея. Мы поступили туда въ первый годъ царствованія императора Николая, въ самые дни происходившей въ Москвѣ коронаціи. Декабрьское событіе было у всѣхъ въ свѣжей памяти; мы знали объ участіи въ немъ Кюхельбекера и Пущина, и потому эти два лица сдѣлались для насъ предметомъ общаго любопытства. Изъ другихъ товарищей Пушкина вниманіе наше привлекали особенно: баронъ Дельвигъ, какъ другъ его и поэтъ; Вальховскій, князь Горчаковъ и баронъ Корфъ по быстрой ихъ карьерѣ, которая тогда уже могла назваться блестящею; наконецъ, Матюшкинъ по слухамъ о его странствованіяхъ и страсти къ морю.

Прошлое нашего учрежденія тѣмъ болѣе занимало насъ что еще въ царствованіе Александра I произошла перемѣна въ системѣ управленія Лицеємъ. Это было въ связи съ переворотомъ совершившимся въ образѣ мыслей государя и въ общемъ духѣ его царствованія. Свобода какою пользовались воспитанники при директорѣ Энгельгардтѣ послужила поводомъ

* Въ *Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея* на 1856—1857 годъ въ числѣ очень цѣнныхъ для исторіи этого заведенія документовъ помѣщены біографіи: перваго директора его, Машиновскаго, профессоровъ: Кошанскаго, Куницына, Карцова и воспитателя Калычича. О Кошанскомъ см. также мою статью „Первенцы Лицея и его преданія“ въ сборникѣ *Складчина* изд. въ 1874 году.

къ его увольненію, и на мѣсто его назначенъ бывшій директоръ Дворянскаго полка генералъ Гольтгоеръ: * въ Лицеѣ водворилась въ нѣкоторой степени военная дисциплина, и мы смотрѣли на предшедшее время какъ на золотой вѣкъ Лицея. Надо всѣми его преданіями царило громкое имя Пушкина. Легко представить себѣ, съ какимъ восторгомъ мы читали и выучивали наизусть его стихи; каждое новое произведеніе его ходило между нами по рукамъ, если не въ печати, то въ спискахъ. Надо помнить что тогда въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и Лицея, стихи Пушкина считались нѣкотораго рода запрещеннымъ плодомъ. Старая officialная педагогика еще не отваживалась включить его въ созвѣздіе образцовыхъ писателей и пробавлялась отрывками изъ Ломоносова, Державина, Карамзина, Озерова, да съ недавняго времени еще изъ Жуковскаго и Батюшкова. Но въ обществѣ и среди молодежи художественное чувство предупредило рѣшеніе педагогики: на школьныхъ скамьяхъ расплывалась *Черная шаль*; мы зачитывались *Русланомъ* и *Людмилой*, *Кавказскимъ Пльнникомъ*, *Цыганами*, *Бахчисарайскимъ Фонтаномъ* и первыми главами *Евгенія Онегина*. Въ созданіяхъ Пушкина, въ славу его, мы видѣли что-то для себя родное, считали его своимъ.

Естественно что примѣръ Пушкина магически дѣйствовалъ на воспитанниковъ послѣдующихъ курсовъ и побуждалъ ихъ также пробовать свои силы въ поэзіи, тѣмъ болѣе что и самъ профессоръ русской литературы поощрялъ ихъ къ этимъ опытамъ. Но изъ лицейскихъ стихотвореній перваго курса мы почти ничего не знали пока находились въ заведеніи. Я познакомился съ ними только черезъ годъ послѣ моего выпуска изъ Лицея, именно въ 1833 году, когда товарищъ Пушкина, баронъ М. А. Корфъ, тогдашній мой начальникъ по канцеляріи Комитета Министровъ, куда я поступилъ изъ Лицея, далъ мнѣ на прочтеніе двѣ переплетенныя въ зеленый сафьянъ тетради, содержавшія собраніе стихотвореній нѣкоторыхъ изъ его товарищей. Я тогда же переписалъ большую часть ихъ, не пропуская конечно ни одной изъ піесъ

* См. указанную въ предшемъ примѣчаніи статью мою *Первенцы Лицея*. Нѣкоторыя обстоятельства предшествовавшія увольненію Энгельгардта разказаны мною въ шестомъ отдѣлѣ статьи: *Старина Царскосельскаго Лицея*, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ* 1876 года, кн. I.

кина. Эти тетради принадлежали собственно товарищу и другу его, М. Л. Яковлеву, страстному любителю музыки и пѣнія, который нѣкогда и самъ пописывалъ стихи, особенно басни, но не обнаружилъ въ поэзіи замѣтнаго таланта. Что касается барона Корфа, то между нимъ и Пушкинымъ никогда не было настоящаго сочувствія: ихъ характеры, нѣкоторыя понятія и житейскія цѣли слишкомъ расходились. Взглядъ покойнаго Модеста Андреевича на даровитаго товарища выразился очень рѣзко въ воспоминаніяхъ о Лицѣѣ, написанныхъ имъ по поводу біографическихъ статей г. Бартенева и отчасти уже извѣстныхъ въ печати. *

Изъ всего мною сказаннаго уже ясно почему я съ особенною любовью останавливаюсь на лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Конечно, послѣдующія произведенія его гораздо зрѣлѣе и совершеннѣе, но и ранніе стихи его, въ которыхъ такъ ярко отразилась его игривая и кипучая молодость, въ которыхъ талантъ его уже является съ такимъ изумительнымъ блескомъ, возбуждаютъ живой интересъ: мы видимъ въ нихъ первые взмахи крыльевъ могучаго орла, мы въ нихъ уже предчувствуемъ и предвкушаемъ его будущее величіе. Кромѣ того, они заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому что періодъ лицейской жизни Пушкина нашелъ такой сильный отголосокъ во всей его дальнѣйшей поэтической дѣятельности: извѣстно какъ часто онъ въ своихъ лучшихъ стихотвореніяхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ мѣсту его воспитанія, воспоминаетъ о Лицѣѣ и Царскомъ Селѣ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ какое значеніе они имѣли въ его духовной жизни. Едва ли есть въ исторіи литературы другой примѣръ чтобы годы воспитанія въ такой степени отразились въ творчествѣ писателя какъ лицейскій періодъ жизни Пушкина въ его поэзіи: онъ съ любовью воспоминаетъ это время и въ посланіяхъ своихъ, и въ поэмахъ, и въ мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, не говоря уже о тѣхъ которыя особо посвящены празднованію лицейской годовщины.

Прежде всего, насъ поражаетъ масса того что написано Пушкинымъ въ Лицѣѣ: его стихотворенія этой эпохи,

* Часть этой записки была помѣщена въ газетѣ *Берегъ* лѣтомъ 1880 года въ первой статьѣ кн. П. П. Вяземскаго: „А. С. Пушкинъ (1816—1825)“.

числомъ около ста тридцати, составляютъ порядочную книгу. Такая производительность, при достоинствахъ написаннаго, указываетъ уже на могущество таланта. Нѣкоторые товарищи Пушкина, также не лишеныя поэтическаго дарованія, далеко отстали отъ него и въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, дружное соединеніе нѣсколькихъ молодыхъ талантовъ въ возникающемъ учебномъ заведеніи представляетъ явленіе необыкновенное. Эти отроки на четырнадцатомъ и пятнадцатомъ году жизни вступаютъ уже въ сношенія съ редакторами журналовъ, которые охотно принимаютъ и печатаютъ ихъ труды. Образованію этого литературнаго сообщества способствовали многія обстоятельства: изъ тридцати воспитанниковъ 1го курса Лицея двѣлая треть поступила туда изъ Московскаго университетскаго пансіона, * гдѣ подъ вліяніемъ и по примѣру воспитывавшагося въ немъ Жуковскаго уже была въ значительной степени развита литературная дѣятельность; извѣстно что Жуковскій, съ товарищами, еще въ бытность свою въ этомъ пансіонѣ, издавалъ журналы (*Утренняя заря* и др.), въ которыхъ печатались ихъ юношескіе опыты въ стихахъ и прозѣ. Но главнымъ виновникомъ и двигателемъ литературнаго направленія въ новомъ училищѣ былъ все-таки Пушкинъ; и безъ него это направленіе, конечно, не достигло бы такого поразительнаго развитія. Можно сказать что Пушкинъ, поступаая въ Лицей двѣнадцати лѣтъ отъ роду, по своимъ занятіямъ и связямъ былъ уже литераторомъ: съ девятилѣтняго возраста онъ зачитывался въ библіотекѣ своего отца французскими поэтами и лично познакомился дома съ извѣтнѣйшими русскими писателями: Карамзинымъ, Дмитриевымъ, Батюшковымъ и Жуковскимъ. Какое значеніе онъ имѣлъ для своихъ товарищей можно видѣть изъ современнаго свидѣтельства: Лицей открытъ былъ въ октябрѣ 1811 года, а уже 25 марта 1812 года одинъ изъ воспитанниковъ, Иличевскій, пишетъ своему бывшему соученику въ петербургской гимназіи Фусу: „Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій, я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человека, который, живши между лучшими стихотворцами, приобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса“. **

* Подробности см. въ моей статьѣ: *Первенцы Лицея*.

** Письма Иличевскаго къ Фусу напечатаны мною въ *Русскомъ Архивѣ* 1864 года, № 10, стр. 1.050—1.076.

Этимъ учителемъ своихъ товарищей былъ Пушкинъ, младшій изъ нихъ по лѣтамъ, но на котораго они невольна смотрѣли какъ на старшаго. Кромѣ его, въ издававшихся тогда журналахъ печатали свои труды: баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Эти журналы были въ Москвѣ: *Вѣстникъ Европы*, *Россійскій Музеумъ*, оба издавашіеся Вл. Измайловымъ, и *Труды Общества Любителей Россійской Словесности*; въ Петербургѣ: *Сынъ Отечества* Греча и *Сѣверный Наблюдатель* П. А. Корсакова. Первое напечатанное стихотвореніе Пушкина (*Другу стихотворцу*) появилось въ 1814 году въ *Вѣстникъ Европы*, первое подписанное полнымъ его именемъ (*Воспоманія въ Царскомъ селѣ*) напечатано было въ *Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности* въ 1815 году. Сначала стихи Пушкина являлись въ печати подъ отдѣльными буквами его имени, съ перестановкой ихъ, напримѣръ Н. К. Ш. П. или подъ цифрами 14—16. Эти цифры были его любимюю подписью: первое число означало букву *н*, которою кончалась его фамилія, а 16—*н*, которою она начиналась; кромѣ того 14 означало номеръ его лицейской комнаты; этою цифрою любилъ онъ и въ послѣдствіи подписывать свои записки къ товарищамъ.

Понятно что прилежныя упражненія въ стихотворствѣ оставляли воспитанникамъ не много времени на слушаніе и приготовленіе уроковъ. Начальство, замѣтивъ это, запретило имъ сочинять, о чемъ Илличевскій и сообщаетъ своему петербургскому пріятелю, прибавляя однако же: „но мы съ нимъ (то-есть съ Пушкинымъ) пишемъ украдкой“. Впрочемъ, запрещеніе продолжалось не долго: уже чрезъ мѣсяцъ послѣ приведеннаго извѣстія (26 апрѣля 1812 года) Илличевскій пишетъ тому же молодому человѣку: „Скажу тебѣ новость: намъ позволили теперь сочинять“.

Надо замѣтить что и самые порядки въ новооткрытомъ заведеніи не благопріятствовали или, вѣрнѣе, мѣшали учебнымъ занятіямъ. Тотъ же Илличевскій разказываетъ Фусу съ видимымъ торжествомъ: „Учимся въ день только семь часовъ, и то съ перемѣнами которыя по часу продолжаются: на мѣстахъ никогда не сидимъ, кто хочетъ учиться, кто хочетъ гуляеть; уроки, сказать правду, не весьма велики.“ Это положеніе учебнаго дѣла продолжалось при первомъ курсѣ и послѣ. Въ 1814 году, въ концѣ пребыванія въ младшемъ курсѣ, Илличевскій пишетъ: „Ежели уроки мѣшаютъ

тебѣ свободно вести со мною переписку, то и мнѣ не менѣе мѣшаетъ (только не уроки, а) страсть къ стихамъ“. Нѣсколько позднѣе нашъ источникъ, разсуждая что всѣ училища на одну статью, что начало хорошо, чѣмъ же далѣе тѣмъ хуже, хвастливо заявляетъ: „Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода дѣло золотое)... Лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимой въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театр; съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся“.

Все это можетъ служить краснорѣчивымъ объясненіемъ тѣхъ неодобрительныхъ аттестацій какія получалъ Пушкинъ отъ своихъ наставниковъ. Къ живости и пылкости его природы, къ его neodслимой потребности художественнаго творчества присоединялся соблазнъ услѣха и извѣстности, которые такъ легко доставались ему уже съ первыхъ шаговъ на поприщѣ гласности. Могъ ли онъ, при этихъ условіяхъ, удовлетворять обыкновеннымъ педагогическимъ требованіямъ? Но неисправность его въ приготовленіи уроковъ, которую приписывали лѣности, легкомыслію и т. л., вовсе не значила что онъ не оказывалъ услѣховъ. Одинъ изъ его біографовъ справедливо замѣчаетъ что Пушкинъ, несмотря на видимую свою невнимательность, изъ преподаванія своихъ профессоровъ выносилъ болѣе нежели его товарищи, * если исключить, прибавлю я, тѣхъ немногихъ которые при блестящихъ способностяхъ отличались трудолюбіемъ и усидчивостью. каковы были князь Горчаковъ и Вальховскій. Особенно же вознаграждалъ онъ недостатокъ прилежанія чтеніемъ и, при своей необыкновенной памяти, быстро усвоивалъ себѣ навсегда все пріобрѣтенное этимъ путемъ. Читая его лицейскія стихотворенія, мы замѣчаемъ что онъ знаетъ чрезвычайно много и не можемъ не приписать этого частью его начитанности, частью наблюдательности, быстротѣ пониманія, да еще способности, которая свойственна гениальнымъ умамъ, угадывать то что людямъ обыкновеннымъ дается только долговременнымъ опытомъ. Сюда относится особенно раннее знаніе человѣческаго сердца и пониманіе людскихъ страстей и отношеній. Не уломинаю о живости чувствъ, о пылкости воображенія, о юношеской игривости ума, которыя у Пушкина присоединились къ сказаннымъ свойствамъ.

* *Сочиненія Плетнева*, т. I, стр. 366.

Изъ положительныхъ свѣдѣній отражающихся въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчательно его знакомство съ древнимъ греческимъ и римскимъ міромъ. Надо помнить что онъ еще въ родительскомъ домѣ, до поступления въ Лицей, прочелъ въ переводѣ Битобе всю Илиаду и Одиссею. Впрочемъ, онъ почерпалъ свои познанія въ мифологіи не изъ одного чтенія поэтовъ, но и изъ книгъ спеціально посвященныхъ этому предмету. Безъ сомнѣнія, и Кошанскій, объясняя на своихъ урокахъ поэтическія произведенія древнихъ, присовокуплялъ къ тому толкованія изъ литературы и мифологіи. Въ 1817 году Кошанскій издалъ учебникъ въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ *Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологію, обзоръ классическихъ авторовъ, мифологію и древности греческія и римскія*. Это переводъ сочиненія Эшенбурга съ нѣкоторыми дополненіями переводчика. Но прежде изданія этой книги Кошанскій уже пользовался ею при своемъ преподаваніи *. Такимъ образомъ, намъ становится яснымъ почему Пушкинъ еще въ Лицѣѣ такъ любитъ заимствовать изъ древняго міра образы и сюжеты для своихъ стихотвореній.

Необыкновенное знаніе роднаго языка поражаетъ насъ въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина. Правда что онъ нашелъ русскій поэтическій языкъ уже значительно обработаннымъ въ стихахъ Жуковскаго и Батюшкова, но Пушкинъ скоро придалъ ему еще большую свободу, простоту и естественность, болѣе и болѣе сближая его съ языкомъ народнымъ. Надо замѣтить что въ самомъ постановленіи о преподаваніи въ Лицѣѣ было правило: избѣгать всякой высокопарности; но это правило не всегда умѣли соблюдать и сами преподаватели, какъ показываютъ, на примѣръ, нѣкоторые дошедшіе до насъ отрывки изъ ихъ рѣчей. Налерекоръ имъ, Пушкинъ опередилъ въ этомъ отношеніи свое время. Какая разница, на примѣръ, между стихами В. Л. Пушкина и его гениальнаго племянника уже въ бытность его въ Лицѣѣ! Лишь изрѣдка встрѣчаются у него поэтическія

* О любви Кошанскаго къ древней литературѣ свидѣтельствуетъ особенно, изданная имъ въ самый годъ основанія Лицея въ Москвѣ, книга: *Цвѣты греческой поэзіи*, въ которой собраны сочиненія Мосха и Буона въ подлинникъ съ переводомъ въ стихахъ и съ подробнымъ комментариемъ.

вольности въ родѣ усѣченныхъ прилагательныхъ и причастій, напримѣръ *протекши дни*, вмѣсто *протекшіе дни* и т. п. Только въ тѣхъ немногихъ стихотвореніяхъ, гдѣ молодой поэтъ настраиваетъ свою лиру на торжественный ладъ, какъ въ *Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ*, въ *Безвѣрїи*, *На возвращеніе императора Александра*, попадаются старинныя слова и формы, напримѣръ *Россовъ* въ римѣ къ имени *Ломоносовъ*, *се* вмѣсто *вотъ* и т. п.

Нельзя безъ особеннаго наслажденія слѣдить за быстрымъ развитіемъ могучаго таланта въ ювонескихъ его произведеніяхъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Первое начало такому расположенію положено было еще г. Анненковымъ въ 1855 году, но по доступнымъ въ то время матеріаламъ эта задача не могла быть разрѣшена совершенно удовлетворительно. Большою благодарностью обязана наша литература и исторія просвѣщенія В. П. Гаевскому, которому принадлежитъ первый починокъ въ разработкѣ внутренней исторіи Лицея. Начавъ еще въ 1853 году рядъ изслѣдованій по этому предмету въ статьяхъ о Дельвицѣ, г. Гаевскій въ шестидесятихъ годахъ перешелъ къ Пушкину и пользуясь указаніями остававшихся еще въ живыхъ сверстниковъ поэта, сообщилъ много новыхъ данныхъ, которыми и воспользовались редакторы позднѣйшихъ изданій Пушкина.*

По настроенію поэта, лицейскія стихотворенія его замѣтно распадаются на два отдѣла или двѣ эпохи: первая продолжается съ 1812 года приблизительно до осени 1816, вторая съ этого времени до выпуска его въ іюнь 1817. Въ первой преобладаетъ веселое, эротическое настроеніе, выражающееся въ игривой, легкой и граціозной формѣ; вторая, наступившая вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхолическимъ характеромъ и строгою формой большей части стихотвореній.

По содержанію и роду поэзіи, лицейскія стихотворенія Пушкина очень разнообразны и могутъ быть раздѣлены на посланія, анакреонтическія піесы, эпіграммы и вообще мелочи, затѣмъ стихотворенія торжественнаго содержанія и, наконецъ, разказы въ элическомъ родѣ. Между послѣдними встрѣчается уже и одна піеса изъ русскаго сказочнаго міра, именно стихотвореніе *Бова*.

* Относяціяся сюда статьи г. Гаевского напечатаны въ *Современникѣ*: о Дельвицѣ въ 1853 и 1854 годахъ, о Пушкинѣ въ 1863 году.

Въ каждомъ изъ этихъ родовъ можно еще отличить переводы и подражанія отъ оригинальныхъ стихотвореній. На первыхъ не буду останавливаться, равно какъ и на французскихъ стихотворныхъ опытахъ Пушкина; извѣстно что первыя пробы пера его были на французскомъ языкѣ, который, по общему въ то время обычаю, господствовалъ въ домѣ родителей его. Въ послѣдствіи Пушкинъ считалъ такого рода упражненія на чужомъ языкѣ вредными для русской поэтической техники и совѣтовалъ лицеисту одного изъ позднѣйшихъ курсовъ *, имѣвшему къ нимъ слабость, не писать французскихъ стиховъ.

Послѣ двухъ французскихъ четверостишій собраніе русскихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина начинается двумя ребяческими обращеніями къ какой-то Деліи и эротическою піеской *Излѣны*, вызванною первымъ предметомъ его увлеченій, графиней Н. В. Кочубей (дочерью бывшаго въ послѣдствіи государственнымъ канцлеромъ В. П. Кочубея, имѣвшаго въ Царскомъ Селѣ свою дачу). Въ послѣднемъ Пушкинъ уже называетъ себя *тылымъ пѣвцомъ*:

Ахъ, для тебя ли,
Юный лѣвѣдъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтеть?

Эти три піесы относятся къ 1812 году, когда Пушкину было только тринадцать лѣтъ. За слѣдующій годъ мы не находимъ въ собраніи ни одного стихотворенія.

1814 годъ открывается двумя посланіями: къ *сестрѣ* и къ *другу стихотворцу*. Подражая Батюшкову въ духѣ и тонѣ своихъ стиховъ, Пушкинъ въ первыхъ своихъ опытахъ подражалъ и дядѣ своему.

У Василя Львовича есть посланіе къ *брату и другу*, то есть къ отцу нашего поэта, которое начинается такъ:

Почто, мой другъ, судьбою
Съ тобой я разлучень?

Стихами того же размѣра, которымъ впрочемъ также писали посланія Жуковскій и Батюшковъ, Александръ Сергѣевичъ обращается къ своей сестрѣ:

* Князю А. В. Мещерскому, воспитаннику 5го курса. Это было въ 1828 году при посѣщеніи лицея Пушкинымъ. (Въ *Складчикѣ* ошибочно означенъ 1829 годъ.)

Ты хочешь, другъ бездѣльный,
 Чтобъ я, поэтъ молодой,
 Бесѣдовалъ съ тобой...

Идея этого посланія къ сестрѣ основана на шуткѣ что лицей—монастырь, а молодой поэтъ—чернецъ живущій въ уединенной кельѣ. Ему представляется что онъ изъ этой кельи вечернею порою вдругъ перелетаетъ на берега Невы и подносить сестрѣ „пукъ стиховъ“:

Несу тебѣ не золото —
 Чернецъ я не богатой,—
 Въ подарокъ пукъ стиховъ.

При этомъ онъ старается угадать чѣмъ она въ ту минуту занята, какого автора читаетъ изъ знакомыхъ ему Жанъ-Жака Руссо, Жанлисъ, Гамильтона, Грея и Томсона. Или она ласкается на колѣняхъ „москву престарѣлу, въ подушкахъ посѣдѣлу“ и т. д.

Но вотъ онъ замѣчаетъ что все это только мечта:

Увы, въ монастырѣ,
 При блѣдномъ свѣчѣ сіяньѣ,
 Одинъ пишу сестрѣ.
 Все тихо въ мрачной кельѣ.

Затѣмъ онъ горюетъ о томъ что былъ прежде знакомъ съ суетою (то-есть съ московскою жизнью), но

Вдругъ въ глухихъ стѣнахъ
 Явился заключеннымъ,
 На вѣки погребеннымъ,
 И міра красота
 Одѣлась черной мглою...

Всего любопытнѣе конецъ посланія, въ которомъ поэтъ за три года до окончанія курса уже мечтаетъ о вылукѣ:

Но время протечетъ,
 И съ каменныхъ воротъ
 Падутъ, ладутъ запоры,
 И въ лышнѣй Петроградъ
 Черезъ долины, горы
 Ретивые примчатъ.
 Слѣша на новоселье,
 Оставляю темну келью,
 Поля, сады свои,
 Подъ столъ клобукъ съ веригой—
 И прилечу разстригой—
 Въ объятія твои.

Посланіе къ *Другу-стихотворцу*, которое, какъ уже было замѣчено, ранѣе всѣхъ другихъ стихотвореній Пушкина явилось въ печати, написано шестистолпнымъ ямбомъ, подобно посланію дяди поэта къ Жуковскому и князю Вяземскому. Даже и имя *Аристъ* приданное другу, къ которому юный лицеистъ обращается, заимствовано изъ посланія Василя Львовича, гдѣ мы встрѣчаемъ стихъ:

Аристъ душою добръ, но авторъ оны дурной.

Нѣкоторые думаютъ что подъ другомъ-стихотворцемъ или Аристомъ, въ посланіи Александра Сергѣевича, надо разумѣть Дельвига, но это невѣроятно: Пушкинъ съ самаго начала высоко цѣнилъ талантъ этого товарища, тогда какъ въ разсматриваемомъ посланіи оны совѣтуетъ другу отказаться отъ стихотворства. Здѣсь оны преобладаетъ шуточный тонъ; на примѣръ, въ стихахъ:

На Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшишь безславія!

Стараясь отвратить друга отъ поэзіи, Пушкинъ представляетъ ему, между прочимъ, незавидную судьбу, часто постигающую поэтовъ:

Не такъ, любезный другъ, писатели богаты,
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лазужки подъ землею, высоки чердаки—
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны зады.—
Поэтовъ хвалятъ всѣ, читаютъ лишь журналы,
Катится мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ—и нагъ вступаетъ въ гробъ Руссо,
Камоюсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,
Костровъ на чердакъ безвѣстно умираетъ;
Руками чуждыми могилѣ преданъ оны;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Но едва ли не лучшее мѣсто этой піесы—извѣстный анекдотъ, разказанный по поводу возраженія Ариста что Пушкинъ который самъ лишетъ стихи, отклоняетъ отъ нихъ другаго:

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мірянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствѣ жилъ—

И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
 Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
 Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
 Попался ему навстрѣчу мужику:
 „Послушай, батюшка, сказали простяки;
 Настави грѣшныхъ насъ—ты литъ вѣдь запрещаешь,
 Быть трезвымъ всякому вездѣ повелѣваешь,
 И вѣримъ мы тебѣ, да что жъ сегодня самъ?...“
 „Послушайте, сказалъ священникъ мужикамъ,
 Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и погуляйте;
 Живите хорошо, а мнѣ не подражайте“.

Изъ остальныхъ стихотвореній 1814 года особеннаго вниманія заслуживаютъ *Городокъ* и *Пирующіе студенты*. *Городокъ* и по вымыслу, и по формѣ (посланіе въ трехстопныхъ ямбахъ) явное подражаніе Батюшкову, любимому въ это время поэту молодого Пушкина, который видывалъ его еще въ родительскомъ домѣ, а поздѣе и въ Лицеѣ. Въ томъ же году онъ пишетъ къ Батюшкову посланіе и называетъ его рѣзвымъ философомъ, извѣженнымъ любимцемъ харитъ, русскимъ Парни, въ котораго Анакреонъ „влилъ свой нѣжный духъ.“ *Городокъ* — одно изъ тѣхъ лицейскихъ стихотвореній въ которыхъ всего ярче является шутовское настроеніе поэта. Вмѣстѣ съ автобиографическимъ элементомъ, особенно любопытно описаніе его библіотеки и исчисленіе любимыхъ имъ писателей: тутъ на первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, въ которомъ Пушкинъ, подобно императрицѣ Екатеринѣ II, признаетъ своего главнаго любимца:

Сынъ Мома и Минервы,
 Фернейскій злой крикунъ,
 Поэтъ, въ поэтахъ первый,
 Ты здѣсь, сѣдой шапунъ!
 Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
 Издѣтства сталъ лиуть;
 Всѣхъ больше перечитанъ,
 Всѣхъ менѣе томить:
 Соперникъ Эврипида,
 Эраты нѣжный другъ,
 Арьоста, Тасса внукъ—
 Скажу ль?... Отецъ *Кандида!*
 Онъ все: вездѣ великъ
 Единственный старикъ.

Послѣ исчисленія другихъ поэтовъ, въ числѣ которыхъ подобающее мѣсто отведено

Вержѣ, Парви съ Грекуромъ,

послѣ мѣткого щелчка Хвостову и заключительнаго обращенія къ „любимымъ творцамъ“, весь день его занимающимъ, нашъ поэтъ переходитъ къ самому себѣ:

Когда же на закатѣ
Послѣдній лучъ зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся ночи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремаютъ рощи,
И шорохъ по лѣсамъ—
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной,
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьей волюшкой.

Это мѣсто напоминаетъ его піесу *Муза*, написанную уже въ Кишиневѣ: вспоминая лицейское время, Пушкинъ говорить:

По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, любимые богами,
И лѣсни легкія веселыхъ пастуховъ.

Городокъ кончается стихами:

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во двѣтъ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ;
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
„Безсмертенъ вѣкъъ пѣтъ“!

Такъ мечта о славѣ уже волнуетъ поэта.

Пятнадцатилѣтній Пушкинъ уже вполне сознаетъ свое поэтическое призваніе.

Въ стихотвореніи *Пирующіе студенты* воспѣвается одна изъ тѣхъ товарищескихъ лирушекъ которыя, по замѣчанію В. П. Гаевского, существовали болѣе въ воображеніи поэта

нежели въ дѣйствительность. Если вѣрить дошедшему до насъ (позднѣйшихъ лицействовъ) преданію, Пушкинъ не былъ любимъ большинствомъ своихъ товарищей: причиной тому былъ нѣсколько задорный характеръ его и остроуміе которое иногда разыгрывалось на счетъ ихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ однакожь, именно съ тѣми которые лучше понимали его и охотно прощали ему рѣзкія выходки, онъ былъ связанъ тѣсною дружбой, не охладѣвшею до конца его жизни. Это были: Дельвигъ, Матюшкинъ, Малиновскій, Вальховскій, кн. Горчаковъ, Яковлевъ и особенно Пущинъ, то-есть почти все тѣ товарищи которыхъ Пушкинъ упоминаетъ въ первомъ и главномъ изъ своихъ стихотвореній на лицейскую годовщину. Къ этой же плеядѣ принадлежалъ отчасти и Илличевскій, первое время бывшій съ Пушкинымъ въ нѣкоторомъ соперничествѣ какъ по страсти къ поэзіи такъ и по остроумію. Большую часть этихъ первенцовъ Лицея я зналъ еще лично: одни изъ нихъ, Дельвигъ, Вальховскій, какъ и самъ Пушкинъ, посѣтили при мнѣ Лицей, другихъ я встрѣчалъ у гр. Корфа. Въ піесѣ *Пирующіе студенты* можно указать нѣкоторыя черты выставленныя Пушкинымъ полнѣе и ярче черезъ одиннадцать лѣтъ въ названномъ произведеніи на лицейскую годовщину. Этихъ товарищей онъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ, съ тѣми особенностями которыя каждого изъ нихъ отличали. Подъ именемъ „спартадца“, которому онъ заставляетъ президента лирушки поднести „воды въ стаканѣ чистой“, разумѣется *Вальховскій*, такъ прозванный товарищами за его добровольно наложенный на себя суровый образъ жизни, а начальствомъ признаанный за лучшаго воспитанника. Про него же поэтъ въ черновой редакціи 19 октября говоритъ:

Спартакскою душой лѣвняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

Илличевскій не упоминается въ стихахъ на лицейскую годовщину, но въ *Пирующихъ студентахъ* къ нему относится обращеніе:

Острякъ любезный! По рукамъ,
Полнѣй бокаль досуга
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга.

Особенно друженъ поэтъ былъ съ Пущинымъ, который въ послѣдствіи, во время принужденнаго пребыванія товарища въ Михайловскомъ, первый посѣтилъ его тамъ *. Въ *Пирующахъ студентахъ* къ Пущину обращены слова:

Товарищъ милый! Другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку....
Не въ первый разъ мы вмѣстѣ льемъ,
Нерѣдко и бранимся,
Но чашу дружества нальемъ
И тотчасъ примиримся.

Пущинъ не писалъ стиховъ. Въ особомъ посланіи къ нему поэтъ такъ его характеризуетъ:

Въ спокойствіи златомъ
Течеть твой вѣкъ безлечный...
Живешь, какъ жилъ Горацій,
Хотя и не поэтъ....
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дыма густой,
И демонъ метромаговъ
Не властвуетъ тобой.

М. Л. Яковлеву Пушкинъ говоритъ:

О ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь.

Такимъ и я зналъ еще Яковлева. Веселость выражалась въ чертахъ его лица, его появленіе всегда оживляло общество; онъ былъ мастеръ пѣть романсы и никогда не отказывалъ въ томъ. Пушкинъ прибавляетъ:

Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь;
Съ тобой токою безъ чиновъ,
Люблю тебя душою.

Въ князѣ Горчаковѣ поэтъ видѣлъ блестящаго юношу, который по своей даровитости и прилежанію обѣщалъ много въ будущемъ. Съ самаго ранняго возраста Пушкинъ понималъ что ихъ ожидаютъ совершенно различныя судьбы. Въ

* Любопытный отрывокъ изъ записокъ Пущина, касающійся времени лицейскаго воспитанія, напечатанъ въ 8й книжкѣ *Атеней* на 1859 годъ. Прозой Пущинъ писалъ еще въ Лицѣѣ, и кое-что изъ его трудовъ напечатано также въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ.

Пирующимъ студентамъ онь такъ обращается къ товарищу-аристократу:

А ты, красавецъ молодой,
Сіятельный повѣса,
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее—завѣса.

Въ послѣдствіи, уже не задолго предъ выпускомъ, поэтъ говоритъ князю въ одномъ изъ своихъ посланій:

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ,
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравный
И розный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ...

То же повторено позже въ извѣстной строфѣ 19 октября, начинающейся стихами:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ: фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.

Нельзя не припомнить съ грустью что въ позднѣйшіе годы жизни своей князь Горчаковъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе быть членомъ комитета по сооруженію памятника славному товарищу, который въ молодости оказывалъ ему такое сочувствіе; не такъ поступили Матюшкинъ и графъ Корфъ, хотя послѣдній во многомъ слишкомъ строго судилъ поэта. Не оправдалъ князь Горчаковъ и ожиданія Пушкина отъ послѣдняго лицеиста 1го курса, такъ выраженное въ одной изъ заключительныхъ строфъ 19 октября:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному...
Несчастный другъ! Средь новыхъ поколѣній,
Доучный гость, и лишній, и чужой,
Онь вспомнить насъ и дни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукою.

Къ сожалѣнію, эта картина осталась несбывшеюся мечтою поэта.

Тѣмъ не менѣе, князь Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбою Пушкина и зналъ на память обращенныя къ нему посланія знаменитаго товарища, изъ которыхъ одно онь прочиталъ мнѣ наизусть, когда я отправлялся въ Москву на открытіе памятника поэту.

При сличеніи стихотворенія *Пирующіе студенты съ Лицейскою годовщиною* 1825 года особенно поразительна разность настроенія въ той и другой піесѣ. Въ первой юношеская безпечность, шалость и удаль, во второй глубокое меланхолическое чувство человѣка испытывающаго уже много въ жизни, хотя между созданиемъ обѣихъ прошло не много болѣе десятилѣтій. Къ 19 октября мы еще возвратимся.

Въ 1815 году поэзія Пушкина достигаетъ уже сильнаго развитія не только по количеству новыхъ произведеній, но и по разнообразію и серіозности мотивовъ. Онъ болѣе и болѣе сознаетъ свое дарованіе и въ піесѣ *Мечтатель* уже говоритъ музѣ:

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
 - Пѣвца ты оѣвила;
 Въякомъ изъ муртовъ молодыхъ
 Чело его покрыла,
 И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
 Влетала въ скромну келью
 И чуть дышала, преклонясь
 Надъ дѣтскою колыбелью.

1815 годъ начинается одою *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, которую поэтъ готовилъ еще въ концѣ предыдущаго года къ экзамену при переходѣ въ старшій курсъ. Не буду повторять извѣстныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея чтеніе передъ собравшимися въ Лицей посѣтителями; замѣчу только что несмотря на торжественный, непривычный Пушкину тонъ ея и на нѣкоторыя архаическія формы языка, она представляетъ много прекрасныхъ мѣстъ въ описаніи Царскаго Села и въ связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Въ одной изъ послѣднихъ строфъ поэтъ обращается къ Наполеону:

Гдѣ ты, любимый сынъ и счастья и Беллоны,
 Презрѣвшій правды гласъ и вѣру, и законы?
 Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
 Исчезъ какъ утромъ страшный сонъ...

Въ этомъ же году образъ завоевателя, его быстро прогрессирующая слава и шумное ладеніе не разъ воодушевляють Пушкина, напримѣръ, въ торжественномъ привѣтствіи на возвращеніе государя изъ Парижа:

Мечъ огненный блеснулъ за дымною Москвой!
 Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ
 И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ! и т. д.

Сюда относится особенно замѣчательное стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ*, въ которомъ молодой поэтъ пытается угадать что долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ когда онъ готовился возвратить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается, наконецъ, исполнить свой дерзкій замыселъ:

Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
 Кругомъ простерта мгла густая,
 И взоромъ гибели сверкая,
 Багднѣющій матаежъ на лалубѣ сидитъ.

Тутъ смѣлость метафоръ вполне достойна необычайной картины.

Въ стихахъ *Принцу Оранскому*, написанныхъ въ 1816 году по вызову Карамзина и графа Калодистрии, очерчена окончательная судьба Наполеона:

Свершилось... подвигомъ царей
 Европы твердый миръ основанъ;
 Оковы свергнувшій злодѣй
 Моущею бранью снова скованъ...

Какая противоположность между этимъ языкомъ юноши, увлеченнаго общимъ въ то время негодованіемъ на сверженнаго колосса, и тѣмъ великодушнымъ словомъ примиренія, которое произноситъ возмужалый поэтъ надъ гробомъ его:

Хвала! онъ Русскому народу
 Высокій жребій указалъ
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Такъ, среди легкихъ вдохновеній, въ стихахъ Пушкина уже отражались и важныя думы, къ которымъ подавали ему поводъ современныя всемірно-историческія событія. При оцѣнкѣ поэтическаго характера жизни перваго курса лицействовъ, нельзя упускать изъ виду и того живительнаго вліянія какое должны были производить на нихъ славныя событія эпохи, которую переживала Россія при общемъ патріотическомъ чувствѣ и національной гордости одушевлявшихъ всѣ сословія. Время это должно было дѣйствовать возбуждительно на всякое художественное дарованіе.

Не имѣя возможности принять на себя въ настоящемъ случаѣ полный обзоръ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, я долженъ ограничиться поименованіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Уже въ первой половинѣ 1815 года явилось его превосходное произведеніе изъ римскаго міра, *Къ Лициніо*, обратившее на себя общее вниманіе и заставившее самихъ родственниковъ поэта сознать его призваніе, въ которомъ они прежде сомнѣвались; затѣмъ: *Роза*, *Гробъ Анакреона*, *Усы*, *Друзьямъ*, *Пробужденіе*, *Пѣвецъ*, *Къ Жуковскому* и проч.

Поговорю еще только о лицейскихъ посланіяхъ Пушкина, какъ одной изъ любимыхъ формъ его тогдашней поэзіи, и притомъ наиболѣе знакомящихъ насъ съ личностью самого поэта и внутреннею стороною лицейскаго быта. Въ 1816 году мы находимъ у Пушкина цѣлый рядъ посланій. Онъ начинается посланіемъ къ одному изъ наставниковъ, къ Галичу.

Галичъ, бывшій адъюнктомъ по философіи въ Педагогическомъ Институтѣ, попалъ въ Лицей случайно; именно вслѣдствіе тяжкой болѣзни Кошанскаго, принужденнаго для лѣченія переѣхать въ Петербургъ, Галичъ былъ приглашенъ на время его отсутствія преподавать лицеистамъ русскую и латинскую словесность. Такимъ образомъ, онъ болѣе года замѣнялъ Кошанскаго и для этого пріѣзжалъ въ Царское Село. Но Галичъ ни по характеру своему, ни по складу своего ума вовсе не годился для порученнаго ему дѣла. Онъ привыкъ читать лекціи въ аудиторіи, а тутъ ему надо было заниматься преподаваніемъ въ классѣ. Скоро уроки его превратились въ непринужденныя и часто веселыя бесѣды съ воспитанниками, которые даже не оставались на своихъ мѣстахъ, а окружали толпой кафедру снисходительнаго лектора; въ свободные же часы дружески посѣщали его въ отведенной ему комнатѣ. Когда во время уроковъ приходилось иногда, по обстоятельствамъ, прервать заманчивый разговоръ о томъ и семъ, то Галичъ, взявъ въ руки Корнелія Непота, говаривалъ: „теперь потреплемъ старика“. Впрочемъ, надо прибавить что при обширныхъ познаніяхъ Галича, нельзя считать его бесѣды съ лицеистами бесполезными для ихъ образованія, и конечно такой любознательный юноша, какъ Пушкинъ, могъ почерпнуть изъ нихъ много новыхъ свѣдѣній. Эти предварительныя замѣчанія были необходимы, чтобы объяснить содержаніе и тонъ посланій Пушкина къ Галичу. „Пушкинъ“, говорить

біографъ Галича (покойный академикъ Никитенко), * „особенно полюбилъ молодаго философа, который не истязалъ ни его, ни товарищей склоненіями и спряженіями и былъ уменъ, веселъ, остроуменъ, какъ самъ талантливыи поэтъ“. Еще въ 1814 году, въ піесѣ *Пирующіе студенты* Пушкинъ жалуется Галича въ президенты пирушки и говоритъ:

Апостоль нѣги и прохладъ,
 Мой добрый Галичъ, vale!
 Ты Эликуровъ младшій братъ,
 Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1815 году поэтъ посвящаетъ ему два посланія, въ которыхъ выражаетъ нетерпѣніе опять увидѣться съ милымъ собесѣдникомъ, зоветъ его пировать въ Царское Село. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

О, Галичъ, вѣрный другъ бокала
 И жирныхъ утреннихъ пировъ,
 Тебя зову, мудрецъ лѣнливой,
 Въ пріютъ поэзіи счастливый
 Подъ отдаленный нѣги кровъ!
 Давно, въ моемъ уединеньи,
 Въ кругу бутылкокъ и друзей,
 Не зрѣли кружки мы твоей и т. д.

Конецъ посланія любопытенъ тѣмъ что здѣсь выражено первоначальное намѣреніе поэта поступить въ военную службу:

Простите, дѣвственныя музы,
 Прости, пріютъ молодыхъ отрадъ!
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордый усь,
 Заблещетъ пара эполетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ музъ,
 Въ числѣ воющихъ корнетовъ!

Второе, болѣе длинное посланіе, къ Галичу, такъ начинается:

Гдѣ ты, лѣнивѣцъ мой,
 Любовникъ наслажденья?
 Ужель уединенья
 Не мила тебѣ покой?

Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ. Пушкинъ

* Ж. М. Н. П. 1869 года № 1.

называетъ его ларнаскимъ бродягой, упрекаетъ въ измѣнѣ музамъ и спрашиваетъ, чѣмъ же онъ теперь занятъ. Ужели *поэтъ* кружится въ вихрѣ свѣта, ужели проводить время въ театрѣ

И слить подъ страшнымъ ревомъ
Актеровъ и смычковъ?

или поклоняется сильнымъ міра,

Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаетъ?

Нѣтъ! отвѣчаетъ Пушкинъ на свои вопросы—

Нѣтъ, добрый Галичъ мой!
Поклоу ты не сроденъ:
Другъ мудрости прямой—
Правдивъ и благороденъ и т. д.

Въ заключеніе поэтъ убѣждаетъ его бѣжать столицы и описываетъ какъ молодые друзья послѣдшатъ къ нему на встрѣчу:

Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ,
Несетъ свою балладу
И стансы винограду,
И къ Лилии куплетъ —
И лодонъ становится
Твой малый, тѣсный домъ;
Вотъ съ милымъ остракомъ (то-есть съ Иллчевскимъ)
Нашъ пѣсельникъ тащится (то-есть Яковлевъ)
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ...

Понятно что такой наставникъ очень нравился воспитанникамъ, но былъ не по сердцу начальству, и еще задолго до выздоровленія Кошанскаго, онъ получилъ увольненіе. Понятно что и Кошанскій, возвратясь послѣ двухлѣтняго отсутствія, не могъ быть доволенъ услѣхами лицействовъ за это время и не одобрялъ ни способа занятій съ ними Галича, ни вакхическихъ произведеній своего даровитаго ученика. Есть отзывъ Кошанскаго о Пушкинѣ, данный чрезъ годъ съ небольшимъ по открытіи Лицея, въ ноябрѣ 1812 года. Вотъ этотъ отзывъ: „Больше имѣетъ понятливости нежели памяти; больше вкуса къ изящному нежели прилежанія къ основательному: почему малое затрудненіе можетъ остановить

его, но не удержать: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми воспитанниками; успѣхи его въ латинскомъ довольно хороши, въ русскомъ не столько тверды сколько блистательны. “Если исключить первое замѣчаніе о недостаткѣ памяти у Пушкина, то нельзя не признать этого свидѣтельства справедливымъ. Нѣтъ причины предполагать чтобы Кошанскій и послѣ относился къ Пушкину съ предубѣжденіемъ, и чье-то позднѣйшее показаніе, будто онъ подъ конецъ изъ зависти преслѣдовалъ молодаго поэта, весьма сомнительно. Но Пушкинъ, избалованный похвалами, оскорбился замѣчаніями своего профессора и излилъ свое неудовольствіе въ посланіи *Моему Аристарху*:

Помилуй *трезвый* Аристархъ
 Моихъ *бакхическихъ* посланій!
 Не осуждай моихъ мечтаній
 И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ.

.....
 Я знаю самъ свои пороки,
 Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
 Твоей учености сухой.

Далѣе поэтъ, похвалившись легкостью съ какою даются ему стихи, посмѣявшись надъ Хвостовымъ съ товарищи и сравнивъ себя съ Шалелемъ, Шанфоромъ, Шольйё и Парни, обращается къ этимъ любимцамъ своимъ:

О вы, любезные пѣвцы,
 Сыны безлечности лѣнливой!
 Давно вамъ отданы вѣнцы
 Отъ музы праздности счастливой;
 Но не блестящіе дары
 Поэзіи трудолюбивой,—
 На верхъ ессальскія горы
 Веди васъ тайные извивы;
 Веселыхъ грацій персть игривый
 Младая лиры оживлялъ.
 И я — неопытный поэтъ,
 Небрежныхъ вашихъ ртемъ наследникъ,
 За вами крадуся во слѣдъ...
 А ты, мой скучный проповѣдникъ,
 Умѣрь ученый вкуса гнѣвъъ,
 Поди, кричи, брани другаго
 И брось лѣнивца молодаго,
 О немъ тихонько пожалѣвъ.

Изъ многихъ мѣстъ посланія видно что Кошанскій между прочимъ упрекалъ Пушкина за излишнюю послѣдственность въ сочиненіи стиховъ. Ради необыкновеннаго таланта, выразившагося и въ этой лириѣ, можно конечно простить ее молодому поэту, но надо сознаться что она вовсе не бросаетъ тѣни на профессора, заботившагося о болѣе серіозномъ направленіи и усовершенствованіи юнаго дарованія. Самъ Пушкинъ оправдалъ тогда же такую заботу тѣми изъ своихъ стихотвореній которыя, отличаясь своимъ строгимъ содержаніемъ, конечно стоили ему и не мало труда. Таково, на примѣръ, его прекрасное посланіе къ Жуковскому, напечатанное рядомъ съ посланіемъ къ Кошанскому.

Посланія Пушкина къ товарищамъ: къ Дельвигу, къ Пущину, къ кн. Горчакову, дышатъ по большей части веселостью: съ Пущинымъ онъ вспоминаетъ ихъ ларушки, съ Дельвигомъ шутитъ о поэзіи, съ Горчаковымъ ведетъ бесѣду о его блестящихъ преимуществахъ и предстоящихъ ему въ свѣтѣ успѣхахъ; но иногда въ этихъ посланіяхъ звучатъ и болѣе глубокія ноты. Такъ во 2мъ посланіи къ Дельвигу (1817) онъ говоритъ;

О милый другъ, и мнѣ богини пѣсноплѣнья
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь.
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ—
И лира стала мой удѣлъ.

Къ Горчакову первое посланіе писано на его именины; второе относится ко времени элегическаго настроенія поэта и содержитъ жалобы на судьбу:

Вся жизнь моя—печальный мракъ несчастья
Двѣ-три весны младенцемъ, можетъ-быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Они прошли и т. д.

На дружескій союзъ товарищества лицейстовъ Пушкинъ смотрѣлъ, еще въ послѣднее время своего воспитанія, какъ на что-то высокое и священное. Такъ не задолго предъ выпускомъ онъ пишетъ въ альбомъ Пущину:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Невою мирную, шесть лѣтъ соединенья,

Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и радость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.

Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣвою мечтой союзъ твой заключень:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами
О милый, вѣченъ онъ.

Какой глубокой смыслъ заключается въ послѣднихъ двухъ стихахъ, произнесенныхъ какъ будто въ предчувствіи грозной судьбы, ожидавшей поэта.

Около того же времени онъ пишетъ въ стихахъ посвященныхъ Кюхельбекеру:

Прости! Гдѣбъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Идея о святости лицейскаго братства пріобрѣтала въ душѣ Пушкина все болѣе силы и глубины по мѣрѣ того какъ кругъ товарищей его рѣдѣлъ и самъ онъ съ лѣтами серьезнѣе смотрѣлъ на жизнь. Высшаго своего выраженія мысль эта достигла въ одной изъ строкъ *19 октября*, 1825 года, стихотворенія, исполненнаго глубокой грусти подъ впечатлѣніемъ одиночества поэта въ Михайловскомъ. Отъ обращенія къ Матюшкину онъ переходитъ къ мысли о всѣхъ своихъ товарищахъ:

Друзья мои! прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ.
Сростался онъ подъ стѣлю дружескихъ музъ...

Послѣднимъ стихомъ онъ указываетъ на облагораживающее вліяніе поэзіи, подъ которымъ развивалась лицейская семья. Его воспоминанія о Лицеѣ и сознаніе высокаго значенія товарищества періодически выражались въ его стихахъ на годовщину основанія Лицея, которую онъ опять называетъ святою. Эти чудныя пѣсни скрѣпляли узы дружбы не только между его товарищами, но и между воспитанниками послѣдующихъ курсовъ, и такимъ образомъ Пушкина надо признать главнымъ творцомъ и хранителемъ идеи товарищества и братства, перешедшей во всей своей теплотѣ къ послѣдующимъ поколѣніямъ лицейстовъ.

Въ то же время Пушкинъ болѣе и болѣе сознавалъ свои юношескія заблужденія, жалѣлъ объ утраченномъ времени и осуждалъ легкое, суетное направленіе своей первоначальной поэзіи. Доказательствъ тому много и въ стихотвореніяхъ его и въ дружескихъ письмахъ. Такъ въ годовщину 1825 года онъ говоритъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
 Прекрасное должно быть величаво,
 Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
 И шумныя насъ радуютъ мечты.
 Опомнимся, но поздно... и уныло
 Глядимъ назадъ, саѣдовъ не видя тамъ...

Одно изъ самыхъ трогательныхъ воспоминаній Пушкина о Лицеѣ мы находимъ въ стихотвореніи, написанномъ по случаю перваго посѣщенія имъ Царскаго села (въ 1828 году) послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, послѣ столькихъ огорченій, невзгодъ и превратностей судьбы, испытанныхъ имъ въ бурной молодости, вслѣдствіе его страстной, кипучей природы:

Воспоминаньями смущенный,
 Исполненъ сладкою тоской,
 Сады прекрасныя, подъ сумракъ вашъ священный
 Вхожу съ поникшею главою!
 Раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
 Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
 Воображалъ сіи сады!
 Воображалъ сей день счастливый,
 Когда средь нихъ возникъ Лицеѣ,
 И слышалъ снова шумъ игривый
 И видѣлъ вновь семью друзей!
 Вновь вѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнливымъ
 Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
 Скитался по дугамъ, по роцамъ молчаливымъ...
 Поэтому забывался я!

Въ одномъ изъ писемъ къ брату, Льву Сергѣевичу, поэтъ нашъ очень рѣзко отзывался о своемъ воспитаніи. Въ запискѣ же объ образованіи юношества онъ слѣдующимъ образомъ оуждаетъ свои лицейскія занятія: „Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературой, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того

слишкомъ у насъ ограниченныя“. Присоединимся ли мы къ Пушкину въ его самоосужденіи? Произнесемъ ли надъ нимъ строгій приговоръ за его недостаточное прилежаніе въ Лицеѣ, за пренебреженіе уроками наставниковъ? Вспомнимъ обстоятельства, въ которыхъ пришлось жить первоначальному Лицею, вспомнимъ господствовавшую въ немъ долгое время неурядицу, затѣмъ несовершенство тогдашнихъ методовъ преподаванія, отсутствіе порядочныхъ учебниковъ, и согласимся что еслибы Пушкину довелось поступить въ учебное заведеніе вполне организованное, еслибъ онъ воспитывался при другихъ условіяхъ, то и занятія его въ годы воспитанія имѣли бы другой характеръ. Но и въ данныхъ обстоятельствахъ Пушкинъ по своему не терялъ времени: востлѣвая лѣнь, сонъ и кутежъ, онъ любознательнымъ умомъ своимъ безпрестанно работалъ, и къ нему самому, вѣрнѣе нежели къ кому-либо другому, могутъ быть отнесены слова, сказанныя имъ незадолго предъ выпускомъ въ посланіи къ гусару Каверину:

Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный и сердце можно скрыть.

Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно и добросовѣстно отдѣлывалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы въ такой степени закончены; въ Лицеѣ онъ пріобрѣлъ привычку къ самостоятельности; тамъ онъ положилъ прочное основаніе своему будущему творчеству, своей будущей славѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало славѣ Лицея, тому возвышенному духу который не умиралъ въ этомъ заведеніи. Но умеръ Пушкинъ! Смерть, о которой онъ нерѣдко задумывался еще въ годы своего воспитанія (какъ видно изъ многихъ мѣстъ его тогдашнихъ стихотвореній), преждевременно сразила великаго сына Лицея. Пусть же Лицей, въ пятидесятилѣтнюю годовщину его смерти, горячо благословитъ память своего незабвеннаго питомца, который такъ любилъ его, такъ лелѣялъ въ душѣ своей воспоминанія о немъ и въ своихъ стихахъ такъ прекрасно увѣковѣчилъ свое родство съ Лицеємъ.

Заключу прочтеніемъ нѣсколькихъ стиховъ Пушкина (съ небольшими измѣненіями въ словахъ), которыя могутъ быть примѣнены къ нему самому: *

* Изъ стихотворенія *Гробъ юноши*.

Сокрылся онъ,
Любви, забавъ лютомецъ нѣжный;
Кругомъ него глубокій сонъ
И хладъ могилы безнадежный.
Такъ; онъ угасъ во цвѣтѣ лѣтъ....
И на краю большой дороги,
Гдѣ лила старая шумить,
Забывъ сердечныя тревоги,
Нашъ дорогой пѣвецъ лежитъ...
Напрасно блещетъ лучъ денницы,
Иль ходитъ мѣсяцъ средь небесъ,
И вкругъ безчувственной гробницы
Ручей журчитъ и шепчетъ лѣсъ....
Ничто пѣвца не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой....

Я. ГРОТЪ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

1887

Ф Е В Р А Л Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

- I. КРУПНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ РОССИИ. Гл. I—IV. К. Ѳ. Головина.
- II. ДѢТИ СОЛНЦЕВЫХЪ. Изъ дневника институтки двадцатыхъ годовъ. Гл. V—IX. В. (Автора повѣсти *Отчего*.)
- III. СУДЕБНЫЯ ДОКТРИНЫ 1861—1864 НА ПРАКТИКѢ. Окончаніе. В. Я. Фужса.
- IV. РАЗСВѢТЪ И ЗАКАТЪ. Эпизодъ. А. В.
- V. ВНУТРЕННЯЯ ДѢЛА ВЪ МОСКВѢ ПРИ ВАСИЛИИ Ш. Д. И. Иловайскаго.
- VI. СКВОЗЬ ОГОНЬ СТРАСТИ. Романъ. Часть первая Гл. VI—XII. Д. М. Позняка.
- VII. ПУШКИНЪ ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ЛИЦЕѢ. Я. К. Грога.
- VIII. СМЕРТЬ ПУШКИНА. И. Т. Тарасова.
- IX. СТИХОТВОРЕНІЯ: I. Гусларь. Н. А. Чаева. — II. Изъ Байрона. „Талисманы“. — III. Изъ Прюдома: 1. Ожиданіе. 2. Первая любовь. 3. Тѣнь. 4. „Я помню каждый мигъ...“ Вѣры Н.
- X. БИБЛИОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяць.
- XI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. I. Болгарскія дѣла. — II. Германскіе выборы, военные сборы и мирныя хитрости. — III. Во что обходится подъемъ патріотизма въ Германіи. — IV. Рабочій вопросъ. — V. Вопросъ о пересмотрѣ тарифа. — VI. Нашъ европеизмъ. — VII. Организациія промышленнаго образованія.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

БУХГОЛЬЦЫ ВЪ ИТАЛІИ. Юліуса Штинде. Переводъ съ нѣмецкаго.